

ЗИФА ТЕМИРГАЗИНА

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

A. Margulan Pavlodar Pedagogical University, Kazakhstan

ГИБАДАТ ОРЫНХАНОВА

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1864-1802>

Kazakh National Women's Pedagogical University, Kazakhstan

ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАЗАХСТАНА: СЕМИОТИКА ПОЭМЫ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА *ХРОМОЙ КУЛАН*

TRANSCULTURAL RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE OF KAZAKHSTAN:
SEMIOTICS OF OLZHAS SULEIMENOV'S POEM *THE LAME KULAN*

The proposed article explores the specifics of artistic semiotics in Olzhas Suleimenov's poem *The Lame Kulan*, which is one of the most famous works of Kazakh Russian-language poetry of the second half of the 20th century. The poetic text is deeply immersed in a historical and cultural context and is saturated with intertextual signs: allusions and reminiscences. The article models semantic fields of a general linguistic type (based on Russian and Kazakh) as well as the author's semantic field of the textual dominant "kulan." The comparison of the general linguistic semantic fields of the dominant "kulan" with the author's semantic field demonstrates the transcultural specificity of the poem's semiosis, which results from the symbiosis of two national worldviews — Russian and Kazakh — in Suleimenov's artistic vision.

Keywords: Russian-language literature of Kazakhstan, semiosis, sign, semantic field, allusion, iconicity, transculturality

ВВЕДЕНИЕ

Поэтический текст представляет собой бесконечный код, функционирующий «в динамическом процессе, в ходе которого знаки обогащаются значением или меняют его»¹. Лирическое произведение способно выступать в роли знака как полностью, так и частично. Творчество казахского поэта Олжаса Сулейменова,

¹ Ю. Кристева, *К семиологии параграмм*, в: *Избранные труды: Разрушение поэтики*, пер. с франц. Г. Косикова, Б. Наумова, РОССПЭН, Москва, 2004, с. 196.

который писал на русском языке и выражал его средствами национальной картину мира казахов, носит транскультурный характер. Ученые справедливо отмечают, что «транскультурная литература в условиях современного казахстанского общества становится историко-культурным феноменом и привлекает внимание исследователей»². Несмотря на то, что поэзия Сулейменова вызывала постоянный исследовательский интерес³, семиотический аспект его произведений недостаточно освещен в научной литературе.

Семиотический анализ лирики Сулейменова был бы неполным без обращения к историческим фактам, древнетюркской мифологии и фольклору, поскольку творчество поэта пронизано аллюзиями, историческими, литературными и фольклорными реминисценциями. Необходимость историко-культурного подхода к изучению его творчества подчеркивает Игорь Крупко:

Поэтика Сулейменова направлена в историю. Перебирая времен связующую нить, поэт наблюдает узор жизни, сотканной из причин и следствий, стремясь дойти до самой сути⁴.

Языковой знак как элемент поэтического текста приобретает новое коннотативное значение, в свою очередь выступающее затем в качестве денотата.

В статье предпринята попытка семиотического прочтения поэмы *Хромой кулан* с учетом историко-культурного контекста. Поэма была впервые опубликована в сборнике *Определение берега* в 1976 году и стала знаменательным явлением в русскоязычной литературе Казахстана, поскольку в ней транслировались идеи свободолюбия, патриотизма, важные для национального самосознания казахов в советский колониальный период.

Существенным методологическим понятием нашего исследования является культурный контекст. Flamur Maloku, Merxhan

² Н. Женис, Ж. Киянова, *Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы*, «Вестник КазНУ. Серия филологическая» 2018, вып. 170, № 2, с. 48.

³ Б. Каирбеков, *Звук и образ в поэтических текстах Олжаса Сулейменова*, «Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика» 2012, № 3, с. 5–17; Э. Какильбаева, *Лирика Олжаса Сулейменова как гипертекст. Возможности интерпретации*, «Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность» 2017, вып. 14, № 4, с. 743–749.

⁴ И. Крупко, *Рифмы мира Олжаса Сулейменова*, Москва 2021, <https://moskvam.ru/publications/?year=2021&month=5>2021> (02.02.2025).

Avdyli утверждают, что при таком подходе акцент делается на тезисе, что «литературное произведение есть продукт социального, этического, культурного и идеологического порядка»⁵. В качестве основного метода исследования выбран семиотический анализ текста и его элементов⁶. Он направлен на выявление и описание исторических, социальных, политических и культурных аспектов, которые оказывают влияние на семиозис и интерпретацию поэтических знаков. Поэтический текст рассматривается нами как интертекст, в который в процессе семиозиса включаются разнообразные по своей природе семиотические ресурсы и модусы.

Кроме этого, языковые знаки структурируются посредством моделирования семантических полей (далее СП) общеязыкового и индивидуально-авторского типа. Сопоставление СП в русском и казахском языках и в авторской картине мира дает нам возможность подтвердить транскультурность художественного мировосприятия поэта.

ЗАГЛАВИЕ ПОЭМЫ КАК СЕМИОТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Семиотический анализ поэтического текста начинается с заглавия, ведь именно оно является «первым ключевым знаком авторского присутствия в любом тексте»⁷. Заглавие является сложным в семиотическом плане знаком, совмещая в себя свойства индекса, иконы и символа. Заглавие-индекс выделяет текст среди множества других. Заглавие-иконический знак включает в сжатой форме информацию о содержании текста. Заглавие-символ выступает в качестве средства создания целостного доминирующего художественного образа всего произведения.

Заглавие поэмы *Хромой кулан* изначально является индексальным знаком, поскольку находится в доминирующей позиции перед/над текстом, указывает на его начало и оформляет

⁵ F. Maloku, M. Avdyli, *Russian Formalism and Defamiliarization in Language*, «Ezikov svyat, 'Orbis Linguarum'» 2023, no. 21(1), с. 42.

⁶ Ю. Лотман, *Анализ поэтического текста*, Просвещение, Ленинград 1972; Z. Temirgazina, K. Rakhimzhanov, M. Akosheva, et al., *Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication*, «Metaphor and the Social World» 2022, № 2 (1), с. 270–291.

⁷ Л. Хорева, *Заглавие как знак авторской картины мира*, «Новый филологический вестник» 2017, № 4 (43), с. 18.

его смысловую завершенность, выполняя функцию рамочного элемента. Однако для читателя, знакомого с древнетюркской и казахской историей, культурой, мифологией и фольклором, знак-заглавие *Хромой кулан* имеет расширенное означаемое, включающее ассоциации и аллюзии из общего фонда знаний. Так, например, в означаемое входит аллюзия, которая отсылает к древней легенде о гибели хана Жошы (в русской транслитерации Джучи), сына Шынғыс хана (Чингисхана). Он вошел в историю как основатель Золотой Орды. Способность знака отсылать реципиента к денотируемому объекту является свойством икон⁸.

Наталья Веселова предложила типологию заглавий литературных произведений с учетом их денотативного содержания. Она выделяет девять групп заглавий: топонимы, антропонимы, метафоры, аллюзии, оксюмороны, символы, жанрово-родовые заголовки, нейтральные заголовки и заглавия-проблемы⁹. В силу сложности и многослойной организации художественного текста одно и то же заглавие может быть одновременно отнесено к разным типам. Так, заглавие *Хромой кулан*, с одной стороны, является метафорическим, поскольку центральный художественный образ текста — раненный в битве вожак стада куланов ассоциируется с предводителем воинов-тюрков, а с другой стороны — аллюзивным, так как отсылает к нескольким явлениям древнетюркской культуры (музыкальному произведению — кюю и связанным с его сюжетом легендам). Они, в свою очередь, отсылают читателя к историческому событию, положенному в их основу.

Как языковой знак заглавие представляет собой сочетание двух лексем: *ақсақ* ('хромой') и *қулан* ('кулан'). В *Древнетюркском словаре* они определяются следующим образом: «AQSAQ: ...калека (букв. хромой и безрукий)»¹⁰; «QULAN I кулан, дикий азиатский осел»¹¹. Слово *ақсақ* отнесено к общетюркской лексике, оно восходит к глаголу *ағса*, который имеет два значения: 'хромать, прихрамывать' (прямое) и 'отставать, не успевать, не

⁸ Ch. S. Peirce, *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, in vols 1–8, vol. 8, Harvard University Press, Harvard 1958, с. 72.

⁹ Н. Веселова, *Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика*, автореф. дис. канд. филол. наук, Тверь 1998, с. 12.

¹⁰ Д. Насилов, И. Кормушин и др. (ред.), *Древнетюркский словарь*, «Гылым» баспасы, Астана 2016, с. 53.

¹¹ Там же, с. 493.

ладиться' (переносное)¹². В картине мира тюрков восприятие хромоты отличается своеобразием и амбивалентностью. Это связано с мифопоэтическим мышлением древних тюрков, для которых это качество было показателем инаковости, принадлежности к потустороннему миру. Так, в космогонических мифах древних тюрков хозяин подземного царства Эрлик хан был хромым¹³. В казахских народных сказках хромой изображают Жалмауыз кемпір — демонический персонаж в образе старухи, пожирающей людей, причем хромота не мешает скорости ее передвижения, а скорее, свидетельствует об inferнальной природе персонажа¹⁴. Хромота животных в эпосе многих тюркских народов указывает на их исключительность и принадлежность к магическому миру¹⁵. Это подтверждает Розалия Султангареева, анализируя башкирский эпос *Акхак кола* ('Хромой саврасый'):

В сюжетах казахских легенд, а также в башкирском эпосе вожак стада — всегда Хромой конь, и этот признак обуславливает всемогущество, чудесные качества коня, соединяющего два мира¹⁶.

Некоторые исследователи утверждают, что хромота в картине мира древних тюрков-тенгрианцев имеет сакральный смысл¹⁷.

Восприятие хромоты как атрибута исключительности имеет не только мифологические, но и исторические истоки. Многие правители и выдающиеся исторические личности имели этот физический изъян, как, например, великий полководец XIV века Тамерлан, или Ақсақ Темір ('Хромой Тимур'). Хромота выступает знаком боевой доблести и воинского опыта, знаком полученного в битве ранения. Мы полагаем, что образ вожака ста-

¹² Э. Севортян (ред.), *Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные*, в 7 т., том 1, Наука, Москва 1974, с. 76.

¹³ Г. Адаева, Е. Аубакиров, *Пантеон богов в казахской мифологии*, «Народы и религии Евразии» 2020, №2(22), с. 111.

¹⁴ Там же, с. 110.

¹⁵ Ср. с трактовкой в русском языке: М. Акошева, К. Рахимжанов, З. Темиргазина, *С кем мы сравниваем уродливых людей? Эталоны уродства в русском языке*, «Slavia Centralis» 2022, no. 15(1), с. 143–144.

¹⁶ Р. Султангареева, *Башкирский эпос животного цикла: мифосемиотическая реконструкция архаичных пластов и особенности трансформации*, XVII Акмуллинские чтения: мат-лы международной научно-практ. конф., Уфа 2022, т. I, с. 9.

¹⁷ Б. Кокумбаева, *Культурология тенгрианского искусства*, Научно-издательский центр ПГПИ, Павлодар 2012, с. 33.

да, Хромого кулана, ассоциируется с Тамерланом — символом непобедимого, храброго военачальника. Возможно, именно это объясняет написание слова *Хромой* с заглавной буквы подобно имени собственному: *Не обгоняют Хромого — закон*.

По поводу образования слова *қулан* у ученых нет единого мнения¹⁸. Большинство исследователей говорят о древнетюркском происхождении слова. На монгольской почве лексема *қулан* утратила конечный согласный и превратилась в *қула*. По другой версии имеет место обратный процесс: *қулан* образовано суффиксальным способом от монгольского прилагательного *қула*, обозначающего светло-коричневую масть лошади¹⁹. В этимологии слова ученые фиксируют близость значений 'дикий осел' и 'дикая лошадь', которая отражается и в современной казахской картине мира. Кулан как вид был некогда широко распространен на территории древнетюркских племен. О значимости этого вида для древних тюрков говорят изображения куланов в наскальных рисунках, найденных в урочище Тамгалы, а также казахские топонимы с названием этого животного в своем составе. Так, в *Кратком толковом словаре топонимов Казахстана* зафиксировано девять таких географических наименований: *Кулан*, *Куланбасы*, *Куланбель*, *Куланды*, *Куланкеткен*, *Куланойнак*, *Куланотпес*, *Кулантобе* и *Кулантюз*²⁰. Сегодня кулан как редкое животное, находящееся под угрозой исчезновения, занесен в Красную книгу Казахстана.

ПОЛЕВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА КУЛАН В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ И В ПОЭМЕ ХРОМОЙ КУЛАН

В этой части работы сначала сопоставим семантику слова *кулан* в русской и в казахской картинах мира, поскольку поэма, написанная на русском языке, отражает симбиоз двух национальных моделей мира. А затем с помощью полевого метода представим его авторскую семантическую интерпретацию в поэме.

¹⁸ См. об этом: Л. Левитская, А. Дыбо, В. Рассадин (ред.), *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ»*, в 7 т., том 6, Языки русской культуры, Москва 2000, с. 126–127.

¹⁹ Там же, с. 127.

²⁰ Е. Койчубаев, *Краткий толковый словарь топонимов Казахстана*, Наука, Алма-Ата 1974, с. 154–155.

Полевое представление слова *кулан* опирается на словарные дефиниции и внеязыковые знания об этом виде животного. В энциклопедии представлена следующая информация о кулане:

непарнокопытное животное семейства лошадиных. Высота в холке около 125 см, длина тела около 2 м. Голова у К. более крупная, чем у лошади, уши длиннее, ноги тоньше, с узкими копытами. Грива короткая, стоячая, чёлки нет; на нижней трети хвоста длинные грубые волосы образуют кисть. Окраска песчано-жёлтая, вдоль хребта тёмная полоса; кисть хвоста чёрная; низ тела и ноги белые. К. обитает в пустынях и полупустынях Передней, Средней и Центральной Азии²¹.

См. СП слова *кулан* в русском языке на рис. 1:

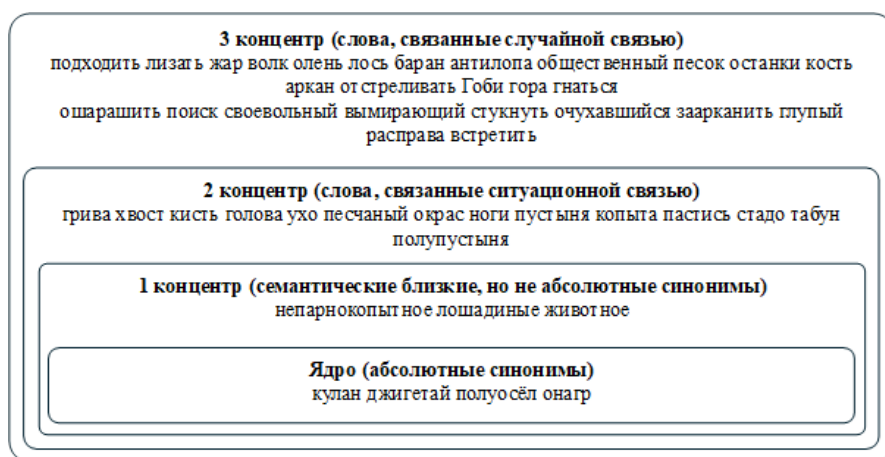

Рисунок 1. СП слова *кулан* в русском языке

Единицы, вошедшие в ядро, в первый и второй концентры поля, были отобраны из словарных дефиниций слова *кулан* и энциклопедического описания животного. Третий же концентр включает в себя лексемы, вступающие в синтагматические отношения со словом *кулан* в русской художественной литературе²². Как мы видим, в русской картине мира сложился негативный образ кулана как глупого, упрямого, не поддающегося приручению животного, внешне напоминающего скорее осла, нежели коня, и служащего добычей для охотников за ценной шагреновой кожей.

²¹ О. Шмидт (ред.), *Большая советская энциклопедия*, т. 35, Советская энциклопедия, Москва 1937, с. 338.

²² Карта слов и выражений русского языка, <https://kartaslov.ru> (20.12.2024).

В казахских энциклопедических источниках о кулане пишут:

Кулан — особо охраняемое животное, относящееся к группе копытных, похожих на лошадей. Кулана еще называют дикой лошастью. Кулан — очень быстрое животное. Они бегают со скоростью 68–72, а то и 85 километров в час по бесплодной местности. [...] Куланы ржут, как лошади, и очень осторожны. Зрение и обоняние настолько хорошие, что невозможно подойти к нему ближе, чем на 1–1,5 километра. Он заранее чувствует перемену погоды и прячется в оврагах и кустах от выюги и ветра. Легкостью и грациозностью тела похож на лошадь. Куланы не поддаются хищникам, даже голодный волк не сможет напасть на куланенка в стаде, где живет крупный кулан²³.

Энциклопедические источники на казахском языке содержат позитивную характеристику кулана: в них отмечается легкость и грациозность животного, быстрота, осторожность, чуткость, храбрость, способность защитить детенышей.

СП слова *қулан* в казахском языке представлено на рис. 2:

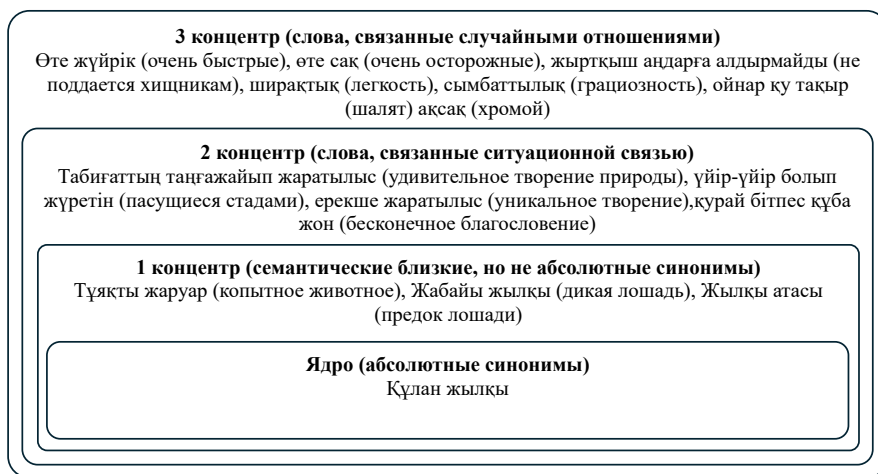

Рисунок 2. СП слова *қулан* в казахском языке

Ядро и первый концентр СП в казахском языке (см. рис. 2) составляют лексемы, отобранные из описания в энциклопедии и толковых словарях²⁴. Второй концентр включает в себя перифразы — обозначения кулана в произведениях казахских поэтов Бухара жырау, Асана кайгы и др. Единицы в третьем концентре

²³ Б. Аяған, С. Әбиев (ред.), *Қазақстан: ұлттық энциклопедия*, Қазақ энциклопедиясы, в 9 т., т. 6, Алматы 2004, с. 106.

²⁴ *Қазақстан: ұлттық энциклопедия*, 2004; *Қазақ әдеби тілінің сөздігі*, в 15 т., 14 том, құраст. М. Малмақов, Қ. Есенова, Б. Хинаят және т.б., Алматы 2011.

отобраны из казахской художественной литературы и фольклора и вступают в синтагматические отношения с лексемой *қулан*.

Сравнительный анализ семантических полей в обоих языках показывает, что для казахов кулан — это не осел, а конь. Даже в академических источниках для его описания используется слово *жылкы* ('лошадь'), а не *есек* ('осел').

Ольга Четверикова пишет о семиотической специфике авторского СП:

Знаки языка объективируют в тексте смысловую сферу автора, основой которой выступают мировоззрение личности и её ценностные ориентации, то, что говорящему каким-то образом известно и 'рисует' воображению²⁵.

Поэт формирует в процессе семиозиса собственные СП, в которых отражаются его мировоззрение и ценностные установки. Это происходит за счёт приращения дополнительных ассоциативных сем и создания новых, часто неожиданных синтагматических и парадигматических связей²⁶. Так, Сулейменов встраивает слово *кулан* в один синонимический ряд с лексемами *конь*, *жеребец*, *вожак*, привязывая все эти фонетические оболочки к одному означаемому — центральному образу поэмы.

СП слова «кулан» в тексте поэмы представлено на рис. 3.

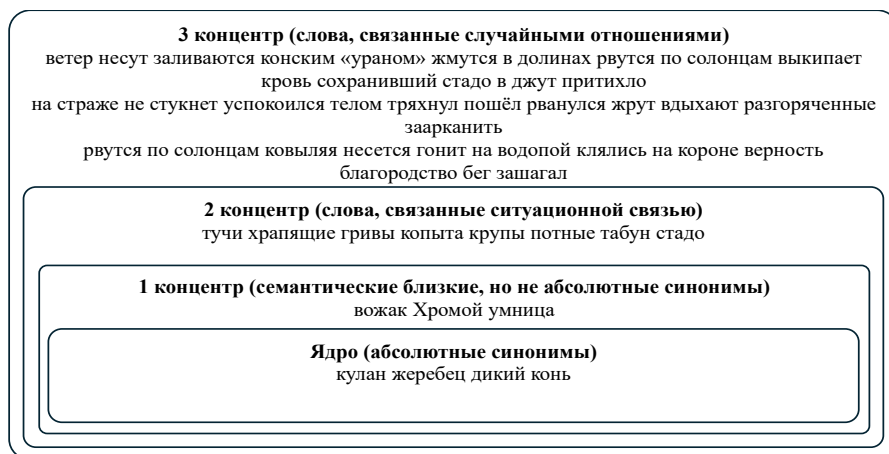

Рисунок 3. СП слова *кулан* в поэме *Хромой кулан*

²⁵ О. Четверикова, *Поэтический текст как семиотическое единство*, «Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Филологические науки» 2014, № 5, с. 19.

²⁶ Z. Temirgazina, *Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief*, «Middle-East Journal of Scientific Research» 2013, no. 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities), с. 226.

Ядро СП составили лексемы *кулан*, *жеребец*, *дикий конь*, обозначающие центральный образ поэмы. К первому концентру отнесены его оценочные наименования *вожак*, *Хромой*, *умница*. Во втором концентре находятся синонимы слов из первого и второго концентров, образованные путем метонимического переноса. В третий концентр вошли слова и словосочетания, вступающие в различные синтагматические отношения с единицами ядра, центра и ближайшей периферии СП. Анализ СП позволяет заключить, что для Сулейменова кулан — это умное, благородное, свободлюбивое животное; стадо куланов ассоциируется с отрядом воинов, которые «клялись на Коране в верности вечной» своему предводителю — «умнице старому», «черному вожаку, сохранившему стадо в джут».

Сулейменов средствами русского языка транслирует казахский культурный код, в котором кулан — это не осел, а дикий конь, жеребец. Это, несомненно, повышает статус животного, что мотивировано значимостью коня в жизни кочевников:

Согласно мифологическим представлениям тюркских народов, лошадь имела божественную сущность, тюрки издревле воспринимали ее как священное животное небесного происхождения²⁷.

Поэт дополняет значение слова *кулан* оценочными семами 'верность', 'благородство'. Автор стремится также облагородить внешний облик кулана, сближая его описание с конем. Например, поэт придает вожаку куланов черный окрас, несвойственный этому виду, но традиционно присущий скакунам ценных пород. В значении прилагательного *хромой* фиксируются позитивные коннотативные семы 'героизм', 'самоотверженность'. Они подавляют общеязыковое значение ущербности, неполноценности:

Чёрный вожак,
Сохранивший стадо в джут,
С перебитой в битве ногой,
Умница старый,
Скрывая слабость,
Гонит куланов на водопой.

²⁷ А. Божедонова, *Функциональная характеристика цветообозначения мастей лошади в эпических текстах в сравнительном аспекте*, «Восток. Афро-азиатские общества: история и современность» 2022, № 1, с. 232.

Каждую ночь он стоит на кургане,
Ногу подняв,
Охраняет табун²⁸.

Таким образом, автором осуществлена семантическая и аксиологическая трансформация образа кулана. Юрий Лотман писал, что значащие элементы языка в поэтическом тексте

оказываются связанными сложной системой отношений [...] невозможных в обычной языковой конструкции. Это придает и каждому элементу в отдельности, и всей конструкции в целом совершенно особую семантическую нагрузку²⁹.

Это позволяет нам утверждать, что заглавие поэмы *Хромой кулан* представляет собой уже не просто языковой знак, а художественный знак транскультурной природы, символ, означаемым которого являются значения 'настоящий вождь', 'воин', 'героизм', 'верность', 'благородство', 'самоотверженность'.

ПОЭМА ХРОМОЙ КУЛАН КАК ГИПЕРЗНАК

Термин «текст» толкуется в семиотическом плане довольно широко. Мы следуем точке зрения Жака Деррида, определившего в своей постструктуралистской теории весь мир как текст и провозгласившего текст «единственно возможной моделью реальности», следовательно, текст — это «любая выстроенная из различного рода знаков структура, наполненная смыслом»³⁰. Любой текст может быть интертекстом, содержащим на разных уровнях и в разных формах другие тексты, обладающие разной степенью узнаваемости. При этом интертекст представляет собой не копию, а «новую ткань, сотканную из старых цитат»³¹. Лирика Сулейменова — это интертекст, диалог с философами и поэтами древности, классиками казахской и русской литературы, с современниками, присутствие которых «можно обнаружить через включение в сулейменовский

²⁸ О. Сулейменов, *Определение берега*, Жазушы, Алма-Ата 1976, с. 53.

²⁹ Ю. Лотман, *Анализ поэтического текста...*, с. 38.

³⁰ Ж. Деррида, *О грамматологии*, пер. с франц. Н. Автономовой, Ad Marginem, Москва 2016, с. 16.

³¹ Р. Барт, *От произведения к тексту. Избранные работы: Семиотика. Поэтика*, Прогресс, Москва 1989, с. 418.

текст ‘чужого слова’, в явных и скрытых цитатах, в реминисценциях и аллюзиях»³².

Рассмотрим исторические и фольклорные основы идейно-художественного содержания поэмы Сулейменова. Согласно историческим данным, сын Шынгыс хана Жошы погиб примерно в 1225–1227 гг.³³ Существует несколько версий о причинах его гибели. Этнографами и фольклористами XIX–XX вв. записано пять казахских и одна кыргызская легенда о том, как старший сын Шынгыс хана погиб во время охоты на куланов. При этом кюй³⁴ *Аксак қулан — Жошы хан* датируется XIII веком, а первые письменные сообщения о смерти Жошы хана относятся к XIV–XV векам³⁵. Главным героем легенды является жырау (‘певец’) Кетбуга, принесший Шыңғыс хану весть о смерти сына, сыграв на домбре специально созданный кюй.

Роман Почекаев считает, что все три версии смерти первенца Шынгыс хана, вероятно, воспроизводят распространенный историко-фольклорный сюжет:

Недоверие и зависть престарелого отца-правителя к сыну-богатырю, их взаимные претензии, которые нередко заканчиваются гибелью сына по воле отца или при выполнении опасного поручения — весьма распространенный сюжет в персидском и тюрко-монгольском эпосе³⁶.

Австрийский культуролог Йоханнес Штайнер рассматривает смерти ханов не как исторические факты, а как «послания»-проводники определенных политических, моральных или религиозных убеждений. Способ смерти служит, по его мнению, выражением окончательной моральной оценки правления

³² Э. Какильбаева, *Лирика Олжаса Сулейменова как гипертекст. Возможности интерпретации*, «Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность» 2017, вып. 14, № 4, с. 743.

³³ Q. Dafeng, L. Jianyi, *On Some Problems Concerning Jochi's Lifetime*, «Central Asiatic Journal» 1998, no. 42(2), с. 283–290; Р. Почекаев, *Батый. Хан, который не был ханом*, АСТ, Москва; Евразия, Санкт-Петербург 2006; Э. Усманова, К. Ускенбай, М. Кожа, И. Панюшкина, *Мавзолей Джучи-хана: реалии, легенды и обряд*, «Археология Евразийских степей» 2022, № 3, с. 74–80.

³⁴ ‘музыкальное произведение на казахском национальном инструменте домбре’.

³⁵ Э. Усманова, К. Ускенбай, М. Кожа, И. Панюшкина, *Мавзолей Джучи-хана...*, с. 76.

³⁶ Р. Почекаев, *Батый...*, с. 40.

хана: хорошая жизнь приведет к мирному концу; аморальная жизнь вызовет мучительную агонию³⁷. Популярная в народе версия о гибели Жошы в результате нападения кулана может быть истолкована двояко: как насильственная смерть, что может свидетельствовать о негативной оценке личности и правления хана в картине мира тюрков; как смерть, достойная воина, что указывает на положительную оценку тюрками Жошы как правителя.

Поэму Сулейменова нельзя назвать поэтическим пересказом или переложением народной легенды. Поэма, начиная с заглавия и заканчивая последней строкой, является интертекстом, многослойной аллюзией, гиперзнаком. Мартин Циерольд рассматривает гиперзнак как носитель коллективной культурной памяти, который становится инструментом и хранилищем идеологических и символических кодов³⁸. Несколько универсальных символов сливаются в один гиперзнак и задают правила смыслообразования, опираясь на свое мифологическое, эстетическое, культурное содержание. Итак, гиперзнак — это семиотическая цепочка, включающая в себя ряд означающих и означаемых, которые как звенья цепи скрепляются друг с другом. Первым звеном в этой цепочке является фрагмент текста (означающее), отсылающий реципиента к объекту аллюзии (денотату 1), а последним — отдельные стороны содержания-интенции (денотата 2) создателя объекта аллюзии, входящие в замысел создателя аллюзии³⁹. С этой точки зрения созданный поэтом гиперзнак «хромой кулан» имеет в качестве означающего как произведение целиком, так и отдельные его элементы: заглавие, словесные образы, топонимы. Структура выстраиваемых поэтом семиотических цепочек представлена в таблице ниже.

³⁷ J. Steiner, *Some remarks on the deaths of Mongol Khans. 'Deathbed scenes' and supernatural incidents*, «'Chronica' Annual of the institute of History University of Szeged» 2011, no. 11, с. 36.

³⁸ M. Zierold, *Memory and Media Cultures*, in: *Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook*, W. de Gruyter, Berlin, New York 2008, с. 399–408.

³⁹ Ю. Семочкина, *Аллюзия в семиотическом аспекте*, «Вестник Вятского государственного университета» 2011, №11(3–2), с. 64.

Таблица. Семиотические цепочки аллюзий в поэме *Хромой кулан*

Элементы текста-аллюзии	Означающее	Денотат 1	Денотат 2
Заглавие	Хромой кулан	Легенда Аксак кулан	Идея о ценности свободы и независимости. Любовь к истории и культуре народа.
Словесные образы (метафоры, метонимия, эпитеты, гипербола и т.п.)	Следом за солнцем Рвутся копыта по солонцам. Чёрный вожак, ковыляя, несётся И-и-и, Выкипает кровь жеребца. [...] Дробно по кругу Гривы толпою за вожак. Крупными потными давят друг друга, Не обгоняют Хромого – Закон.	Кюй Аксак кулан — Жошы хан	
Топонимы	Джетысу Тентек	Исторические факты и события	

Аллюзию к музыке кюя Кетбуга *Аксак кулан — Жошы хан* содержит и ритмическая организация поэмы: сбивчивый ритм текста позволяет «услышать» топот куланьего стада и ковыляющую поступь его вожака, выступая важным элементом иконичности в семиотике текста⁴⁰. Одно и то же означаемое в рассматриваемых иконических знаках передается различными означающими: в стихотворении — ритмикой строк и слогов, в музыкальном произведении — мелодией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поэма Сулейменова *Хромой кулан* представляет собой интертекст, вступающий в процессе поэтического семиозиса в смысловую связь с предшествующей и современной поэту культурой и историей⁴¹. Сопоставление семантических полей лексем *кулан* в русском и казахском языках с авторской картиной мира пока-

⁴⁰ Б. Каирбеков, *Звук и образ в поэтических текстах Олжаса Сулейменова*, «Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика» 2012, № 3, с. 7.

⁴¹ Г. Зельдович, *Взаимоотраженность смыслов...*, 2017.

зал своеобразную интерпретацию языкового знака, связанную с художественным замыслом поэта.

Главным средством выражения заложенных автором интенций является аллюзия — гиперзнак, превращающий поэму в интертекст. Интертекстуальность, характерная для всего творчества поэта, ориентирована на читателя, «который не потребляет готовую продукцию, а творит вместе с автором, развивает его мысли», используя общие фоновые культурные знания⁴².

Данная работа представляет собой содержательно переработанную и существенно дополненную версию ранее опубликованного исследования Е. Деруновой, З. Темиргазиной, *Семиотическое прочтение стихотворения Олжаса Сулейменова «Хромой кулан»*, «Язык и литература: теория и практика» 2024, 3(2), с. 39–55.

REFERENCES

- Dafeng, Qu, Jianyi, Liu. "On Some Problems Concerning Jochi's Lifetime." *Central Asiatic Journal*, 1998, no. 42(2): 283–290.
- Maloku, Flamur, Avdyli, Merxhan. "Russian Formalism and Defamiliarization in Language." *Ezikov suyat, "Orbis Linguarum,"* 2023, no. 21(1).
- Peirce, Charles S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. In vols 1–8. Vol. 8. Harvard: Harvard University Press, 1958.
- Steiner, Johannes. "Some remarks on the deaths of Mongol Khans. 'Deathbed scenes' and supernatural incidents." *"Chronica" Annual of the institute of History University of Szeged*, 2011, no. 11: 35–49.
- Temirgazina, Zifa. "Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief." *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2013, no. 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities): 224–229. <<https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440>>.
- Zierold, Martin. "Memory and Media Cultures." *Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook*. Astrid Erll, Ansgar Nünning, Sara B. Young, Walter de Gruyter (eds.). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008: 399–408.
- Адаева, Гульнар, Аубакиров, Еркин. "Пантеон богов в казахской мифологии." *Народы и религии Евразии*, 2020, no. 2 (22): 107–116.
- Акошева, Маржан, Рахимжанов, Канат, Темиргазина, Зифа. "С кем мы сравниваем уродливых людей? Эталоны уродства в русском языке." *Slavia Centralis*, 2022, no. 15(1): 138–154.

⁴² Э. Какильбаева, *Лирика Олжаса Сулейменова...*, с. 744.

- Барт, Ролан. “От произведения к тексту.” *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Transl. Косикова, Галина. Москва: Прогресс, 1989: 413–423.
- Божедонова, Алла. “Функциональная характеристика цветообозначения мастей лошади в эпических текстах в сравнительном аспекте.” *Восток. Афроазиатские общества: история и современность*, 2022, no. 1: 230–244.
- Веселова, Наталья. *Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 1998.
- Деррида, Жак. *О грамматологии*. Transl. Автономовая, Наталия. Москва: Ad Marginem, 2016.
- Женис, Назым, Кыынова, Жанар. “Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы.” *Вестник КазНУ. Серия филологическая*, 2018 (170), no. 2: 47–51.
- Зельдович, Геннадий. “Взаимоотраженность смыслов и дискурсивная перспектива в художественном тексте.” *Przegląd Ruscystyczny*, 2020, no. 2 (170): 157–201.
- Каирбеков, Бахыт. “Звук и образ в поэтических текстах Олжаса Сулейменова.” *Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2012, no. 3: 5–17.
- Какильбаева, Энкар. “Лирика Олжаса Сулейменова как гипертекст. Возможности интерпретации.” *Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность*, 2017, vol. 14, no. 4: 743–749.
- Койчубаев, Еркебай. *Краткий толковый словарь топонимов Казахстана*. Алма-Ата: Наука, 1974.
- Кокумбаева, Баглан. *Культурология тенгрианского искусства*. Павлодар: Научно-издательский центр ПГПИ, 2012.
- Кристева, Юлия. “К семиологии параграмм”. *Избранные труды: Разрушение поэтики*. Transl. Г. Косикова, Б. Наумова. Москва: РОССПЭН, 2004: 195–198.
- Крупко, Игорь. *Рифмы мира Олжаса Сулейменова*. Москва, 2021. <<https://moskvam.ru/publications/?year=2021&month=5>>.
- Левитская, Л., Дыбо, А., Рассадин В. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву “қ”*. В 7 т. Том 6. Москва: Языки русской культуры, 2000.
- Лотман, Юрий. *Анализ поэтического текста*. Ленинград: Просвещение, 1972.
- Насилов, Дмитрий, Кормушин, Игорь et al. (eds.). *Древнетюркский словарь*. Астана: «Гылым» баспасы, 2016.
- Почекаев, Роман. *Батый. Хан, который не был ханом*. Москва: АСТ; СПб: Евразия, 2006.
- Севортян, Эрванд (ed.). *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные*. В 7 т. Том 1. Москва: Наука, 1974.
- Семочкина, Юлия. “Аллюзия в семиотическом аспекте.” *Вестник Вятского государственного университета* 2011, no. 11(3–2): 64–66.
- Сулейменов, Олжас. *Определение берега*. Алма-Ата: Жазушы, 1976.
- Султангареева, Розалия. “Башкирский эпос животного цикла: мифосемиотическая реконструкция архаичных пластов и особенности трансформации.” *XVII Акуллинские чтения: мат-лы международной научно-практ. конф.* Уфа, 2022. Т. I: 7–14.
- Усманова, Эмма, Ускенбай, Канат, Кожа, Мухтар, Панюшкина, Ирина. “Мавзолей Джучи-хана: реалии, легенды и обряд.” *Археология Евразийских степей*, 2022, no. 3: 74–80.

ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА...

Хорева, Лариса. “Заглавие как знак авторской картины мира.” *Новый филологический вестник*, 2017, no. 4(43): 16–24.

Четверикова, Ольга. “Поэтический текст как семиотическое единство.” *Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Филологические науки*, 2014, no. 5: 18–20.

Шмидт, Отто (ed.). *Большая советская энциклопедия*. Т. 35. Москва: Советская энциклопедия, 1937.

Қазақ әдеби тілінің сөздігі. В 15 т. 14 том. Құраст. Малмақов, М., Есенова, Қ., Хинят, Б. және т.б. Алматы, 2011.

Қазақстан: ұлттық энциклопедия. Ред. Бүркітбай Аяған, Сардарбек Әбиев. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2004. В 9 т. Т. 6.